

Лу Синчжоу чеканил каждое слово, словно безвозвратно погружаясь в пучину отчаяния.

На шее Се Чжиняня проступили багровые полосы от царапин. Слова Лу Синчжоу, хоть и были ожидаемы, били точно в цель, вытягивая из него последние силы.

— С чего ты взял, что я не могу просить тебя пощадить меня? — прошептал он. — Ты тоже хочешь бросить меня, как дедушка?

Воспоминания о детстве, о том, как все выбирали Сун Сяоханя, нахлынули волной. Впрочем, бунтарство не всегда было предрешенным путем. Лицо Се Чжиняня застыло, а в прищуренных глазах блеснул змеиный яд:

— Ты говоришь о любви, но тебе никогда не понять, чего я хочу на самом деле. Ведь вы все видите только Сун Сяоханя, а для вас я лишь жалкий шут гороховый. Что бы я ни делал, в ответ получаю только проклятия.

Голос Се Чжиняня звучал до того надрывно и злобно, что казалось, будто он давится собственной кровью, и в этой жажде признания сквозила пугающая алчность.

Лу Синчжоу замер. Шут гороховый? В его глазах он был лишь шутом?

Жестокие слова способны столкнуть во тьму даже самое доброе сердце. Пальцы Лу Синчжоу, сжимавшие горло юноши, внезапно разжались. Кожа под ними стала мертвенно-бледной. Се Чжинянь, тяжело дыша, почувствовал, как от самых ступней к горлу поднимается горечь.

— Прекрасно.

Лу Синчжоу не стал причинять ему физического вреда. Кто из них на самом деле шут? Он уже сполна познал темную сторону и больше не был таким наивным, как прежде. Он больше не тот дурак, каким был три года назад.

Подавив в себе приступ ярости, Лу Синчжоу даже не моргнул. Его голос, холодный и сухой, вновь разжег пламя разочарования:

— Прекрасно. До встречи с тобой я и не подозревал, что человек может быть настолько бесстыдным. — Он вытер руку, которой держал Се Чжиняня, и с силой швырнул стакан в окно, разбив стекло. Его голос звучал невыразимо скорбно: — А после встречи я убедился в этом сполна. Смотрю, как все глубже увязаю в тебе, и не могу остановиться.

— Ты ненавидишь меня, но все равно хочешь быть рядом? — Лу Синчжоу схватил Се Чжиняня за подбородок, откинул со лба его густые черные волосы и процедил: — Ты ведь хочешь жить? Я дам тебе шанс. Не говори потом, что я не предлагал. Сиди тихо в своей комнате и будь моим пленником. Будешь хорошо служить — я тебя пощажу.

Се Чжинянь всегда гордился собой. Он не был марионеткой, и роль пленника для него была величайшим позором. Он ошибочно принял слова Лу Синчжоу за проявление слабости и попытку оправдаться. Вцепившись в край кровати, он с трудом сдерживал стон — холодный пот выступил на лбу, а нервы были на пределе от нахлынувшего напряжения.

— Ты унижаешь меня, — выдохнул он, плотно сжав губы. — Ты пришел сюда, чтобы растоптать меня?

— Мы не расставались, — Лу Синчжоу приподнял его подбородок. — Я скучал по тебе до безумия.

На губах мужчины играла холодная усмешка, а по стенам, казалось, пополз иней.

Система 028, наблюдая за происходящим из пустоты, была уверена, что внутри хозяин ликует. Се Чжинянь всегда был падок на легкую добычу и четко шел к своей цели. Но внешне он изображал полное бессилие, превращаясь из равного возлюбленного в жалкую игрушку. Кто бы согласился на такое?

— Ты хочешь, чтобы я остался с тобой, — лицо Се Чжиняня было бледным как полотно. — Ты считаешь меня своей собственностью?

— Не собственностью, не стоит так грубо, — Лу Синчжоу неспешно поправил складки на одежде. — Это взаимное удовольствие. Ты же так завидовал Сун Сяоханю, что любой ценой вырвал у него кольцо лучника. Ты сам предрешил свой финал, выбрав путь, отличный от его. Жить — значит платить по счетам. Тебе остается лишь наблюдать из тени, как он продолжает блистать.

Се Чжинянь (мысленно): Восхищаюсь Лу Синчжоу. Мастер эмоциональных манипуляций. Даже свою мягкотелость умудрился обставить так, что не придраться. Он даже зомби не щадит — ну и вкусы у него.

Система 028: Это признак глубоких чувств. Спорим, если ты станешь трупом, он заберет твоё тело на базу, а после конца света создаст по твоему геному андроида, чтобы продолжать мучить тебя и доводить до срывов?

Се Чжинянь: Вот это поворот.

Се Чжинянь с недоверием смотрел на Лу Синчжоу. Он с рождения не желал жить в чужой тени.

— Ты прекрасно знаешь, что мы с Сун Сяоханем на дух друг друга не переносим, но все равно сравниваешь меня с ним, — он прижал руку к вздымающейся груди, чувствуя невыносимую муку. — Как же ты подл.

— Подл? Это зависит от того, кто говорит. Не собираюсь больше тратить на тебя слова. — Лу Синчжоу больше не смотрел на него с разочарованием, он видел лишь низость Се Чжиняня. Тот, кто рассуждает о естественном отборе, не дурак. — Если не умеешь играть — не вини других в сравнениях.

Воспоминания всплывали одно за другим. Он больше не был тем трусом, что три года назад.

Лу Синчжоу не хотел переживать предательство близких снова. Он потратил слишком много времени на поиски Се Чжиняня, чтобы теперь так глупо навредить ему.

— Через четыре дня в Жунчэне день памяти погибших. Думаю, ты не забыл, что в этот день ворота города будут открыты. Я пригласил старейшину Сун. Посмотрим, как твой дедушка объяснит, почему он от тебя отказался. Послушаешь, что о тебе говорят люди на базе.

— Ты не посмеешь! — Се Чжинянь закрыл уши руками и взвизгнул.

Больше всего на свете он боялся чужого мнения, а одно лишь упоминание Сун Сяоханя разжигало в нем ревность.

— Осторожнее, а то я убью тебя.

Лу Синчжоу лишь приподнял бровь:

— Сейчас ты не ровня мне. Побереги силы. — Он сжал кулаки, невольно отводя взгляд. Вид задыхающегося Се Чжиняня вызывал у него странное сожаление. — Я буду присылать людей на осмотр. Советую тебе быть послушным. Питомцы должны слушаться, никто не будет носить тебя на руках. Ты ведь знаешь, что будет, если правда вскроется? Люди на базе до сих пор верят моей версии. Если я расскажу, как все было на самом деле, они будут проклинать тебя каждый день. Твой уважаемый дедушка вышвырнет тебя из клана Сун, твое имя вычеркнут из родословной, и после смерти от зомби-апокалипсиса тебя даже никто не похоронит. Ты станешь неприкаянным духом.

— Ты мне угрожаешь?

В глазах Се Чжиняня полыхнул багровый огонь. Он с ненавистью смотрел в спину уходящему Лу Синчжоу и швырнул осколок стекла в дверь.

— Скажу правду: не я их убил! Иди мсти зомби, я был лишь козлом отпущения в том заговоре!

Лу Синчжоу остановился. Осколок стекла, вонзившийся в его ногу, не заставил его обернуться.

— Ложь. Ты даже не удосужился придумать правдоподобную историю. Не пытайся

оправдаться, — он небрежно отмахнулся. — Все шито белыми нитками. У тебя было время вынести из особняка все ценности, время забрать сыворотку из лаборатории. Любой видит, что ты хотел выслужиться перед Мочэном. Какая уж тут вынужденная мера? Давай будем честны друг с другом. Если хочешь оправдаться — лучше подумай, как переложить вину на Сун Сяоханя. Может, тогда тебе кто-то и поверит.

— Лу Синчжоу!

Когда фигура мужчины скрылась из виду, Се Чжинянь, глядя на свою окровавленную руку — он поранился осколком, когда бросал его, — сжал кулаки.

— Ты всегда выводишь меня из себя, — прошептал он в пустоту. — Ты мне не веришь. Неужели тебя так сильно предали близкие, что ты разучился доверять?

Се Чжинянь горько усмехнулся. Вокруг словно рушился мир. Он забился в угол, чувствуя на себе тысячи невидимых враждебных взглядов.

— Я и сам себе не верю, — прошептал он.

Кто поверит, что три года назад он был ни при чем? Кто поверит, что он не совершал ошибок? Он был лишь соучастником. Се Чжинянь выбросил осколки в мусорное ведро и обессиленно опустился на подоконник.

— Я кричал твое имя, когда меня окружила орда, — прошептал он, сжимая кулаки. — Я сорвал голос, но ты так и не пришел.

Это была обида. Обида того, кто боится смерти и винит всех вокруг, как пациент, винящий врача в своей неизлечимой болезни.

— Кто вообще бывает искренним?

Се Чжинянь поднял руку, покрытую сетью вен. Ему почудилась боль от укусов, потолок в его воображении рухнул прямо на него. Насмешки и издевательства, казалось, звучали прямо в ушах.

— Вы не пришли спасти меня.

Он повторял эти слова как заклинание, пока в ушах не зашумела толпа:

— Кто это?

Старые, изможденные лица проступали сквозь трещины в стенах, их искалеченные конечности тянулись к нему. Воспоминания — его личный кошмар — ожили.

— Лорд Лу стал сильнее, а Сун Чжинянь все еще пытается выслужиться. Думает, слезы помогут спасти благодетеля? Старик Сун уже хочет сделать Сяоханя главой, он даже не принимает Чжиняня, боится, что этот выскочка позорит его имя.

— Люди из одной среды, а какие разные.

— Когда Лорд Лу передаст власть, я предложу выгнать Чжиняня с базы. Пусть катится к отцу, оба они — никчемные люди, привыкшие лишь давить на других своим положением.

— Это вы должны убираться прочь! — Се Чжинянь знал, что это лишь галлюцинация. Его глаза налились кровью, а в сердце росла черная злоба. Он вцепился в свои плечи, чтобы скрыть дрожь. — Естественный отбор. Если я стану посмешищем, то убью каждого, кто осмелится надо мной смеяться.

Раз никто не пришел спасти его, он спасет себя сам.

<http://bllate.org/book/20367/2037370>